

Особенностью описательных фрагментов в спортивном репортаже является их полифункциональность: участие не только в создании эффекта присутствия, но и прогнозировании и оценке, в усилении эффекта достоверности.

В заключение отметим, что выбор конкретных средств для выражения эффекта присутствия и особенности звучащей речи, которые тоже играют роль в выражении данного признака, зависят от индивидуальности журналиста.

Литература

Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. М.: «Русский язык», 1982.

Виноградов Д. Язык репортажа. Как создать «эффект присутствия» // Репортаж из букв [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://to-report.livejournal.com/2166.html>

Григорян М. В. Пособие по журналистике. М.: «Права человека», 2007.

Григорова Л. В. Радиорепортаж в программах местного вещания : на примере Ставропольского краевого радио : автореф. дис. ...канд. филол наук. Ростов-на-Дону, 2007.

Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект Пресс, 2004.

Ким М.Н. Репортаж: технология жанра. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005.

Майданова Л. М. Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1996.

Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики. М.: Аспект Пресс, 2002.

Солганик Г.Я. Стиль репортажа М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2002.

Ярошенко В. Н. Информационные жанры радиожурналистики. М.: Изд-во «Искусство», 1976.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О.А. Михайловой

Каравяева Е. В.
студентка 4-го к. УрФУ

Имиджевый риск: лингвокультурологический этюд

В одной из последних работ О.Б. Сиротинина характеризует повышенную «рискогенность» речи как следствие стихийного формирования системы, которая не так опасна для повседневного общения, как для

© Каравяева Е. В.

имиджа человека. «Особенно страшны по своим последствиям возникающие в узусе социальные риски (наиболее ярко они проявляются в применении и понимании законов в журналистике и политической жизни страны)» [Сиротинина 2013: 57]. Разновидность отмеченных рисков – риски социально-ролевые. При этом роль понимается как речевое поведение, соответствующее ожиданиям адресата.

Мы анализируем речевое поведение Ксении Собчак (далее также КС). В глазах общественности она устойчиво воспринимается как телеведущая скандального шоу «Дом-2». Об этом свидетельствуют данные проведенного нами эксперимента [Караваева 2013: 40]. Один из самых высокочастотных ассоциатов-предикатов – *телеведущая*. Частотным является предикат *светская львица* – знак коллективного представления о социальной среде, к которой принадлежит КС. Характеризующие предикаты *гламурная*, *эпатажная* поддерживают устойчивое впечатление скандальности. Подобные маркеры препятствуют реализации речевого имиджа политика. Между тем КС смело включается в пространство политических баталий.

Своим политическим выступлением в 2011 году в Москве, на проспекте Сахарова, К. Собчак вступила в «рискогенную зону». Она стремительно изменила свой публичный образ. Светская львица, скандальная журналистка на митинге предстала как оппозиционный политик. Цель программного выступления Ксении Собчак – презентация стратегии формирования новой оппозиционной партии: *Партия может стать нашей, только если сами сможем ее создать*.

В то же время в начале выступления на первый план восприятия выдвигается презентация персоны оратора, а не партии. Вслед за О.С. Иссерс выделим два вида стратегий: *Ethos* и *Persona*. «С одной стороны, автор в своей речи может акцентировать специфические особенности личности <...>. С другой стороны, политик обычно выбирает для себя роль (или роли) и соответствующую ей речевую «маску»» [Иссерс 1999: 198]. В речи КС около 300 слов, 10 из которых – местоимение я. Например, *Здравствуйте, я – Ксения Собчак, и мне есть что терять, но тем не менее я здесь...* Собственное присутствие на митинге трактуется как из ряда вон выходящий поступок успешной женщины, которая не сомневается в своей популярности. Эгоцентрическое речевое поведение препятствует эмоции единого (коллективного) эмоционального порыва как общей приметы митинга.

Агитационный результат речи можно признать скорее отрицательным: КС говорит о политической партии, у которой нет собственного

политического языка. При этом КС противопоставляет себя как действующей власти, так и существующей оппозиции. Она предлагает создать партию без лидера, однако многочисленные я-конструкции свидетельствуют об имплицитном присутствии лидера в лице самой КС.

В тексте речи отсутствуют формы обращения к адресату-единомышленнику. Последнее необходимо для агитационных выступлений. Все это говорит о политическом эклектизме, отсутствии четкой идеологической платформы, недостаточном развитии когнитивного уровня – центрального в структуре языковой личности политика. Вслед за Ю.Н. Карауловым под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3]. Отсутствие продуманного понятийного аппарата, интерпретации ключевой идеи лишает речь концептуальности, которая вытесняется самолюбованием.

Речь КС можно рассматривать скорее как риторический шаг, чем как шаг собственно политический, как риторический поступок, добавляющий в имиджевую характеристику медийного лица нечто новое, эффектный функционально-политический ролевой разворот.

Коммуникативный отклик аудитории подтверждает вывод об отрицательном риторическом результате выступления КС, которая не была принята оппозиционной площадью. Сразу после выхода КС на сцену последовал неодобрительный свист и хоровая коммуникативная реакция – скандирование выкрика «Уходи, уходи!». Протестный призыв периодически повторялся. Митингующие почувствовали «чуждость» оратора по нескольким причинам. Во-первых, оратором не был четко определен адресат речи; во-вторых, отрицательно сказался сложившийся в коллективном сознании гламурный образ, не сочетающийся с образом оппозиционера. Корпоративный диалог с митингующими не состоялся. Имиджевый риск повлек за собой коммуникативный провал.

У Ксении Собчак не было «риска потери имиджа культурного человека», описанного О.Б. Сиротининой. С ортологической точки зрения, ее речь находится вне лингвистической критики. В то же время имидж светской тусовщицы помешал оратору найти контакт с аудиторией. Из-за недостаточного учета возможных рисков, из-за внутреннего ощущения собственной значимости КС не сумела произвести запланированного

впечатления на митингующих. О.Б. Сиротинина отмечает, что «рискогенность нашей обыденной речи жить не помогает, но сравнительно легко преодолевается элементарной внимательностью к адресату, учетом ситуации и статусно-ролевых отношений» [Сиротинина 2013: 57]. В ситуации однократной публичной речи преодоление «рискогенности» затрудняется. Последнее автор речи должен учитывать на этапе подготовки выступления.

Конкретная риторическая ошибка КС заключалась в том, что предварительно ею не был сформулирован образ адресата, не были предугаданы ожидания митингующих, их прагматические реакции. Агитационная цель речи была поглощена презентационной. Идейные основы выступления оказались зыбкими. Отобранные ключевые слова *движение* и *влиять* не были связаны с ценностными предпочтениями митингующих. Протестная реакция толпы свидетельствует о том, что светская львица не была принята в «свой круг».

Заявив о себе как о политике, КС продолжила оппозиционную деятельность. Это говорит о внутреннем интеллектуально-психологическом потенциале ее личности. Несмотря на отсутствие политического и собственно риторического успеха, КС дала понять, что не свернет со своего пути, однако стала вести себя более сдержанно. Она продолжает присутствовать на различных митингах (например, в Киеве на Майдане), но избегает программных политических выступлений. Она берет интервью у политиков, например, у кандидатов на пост президента в 2012; у избранного мэром Екатеринбурга Е.В. Ройзмана [http://tvrain.ru/articles/sobchak_zhivem_evgenij_rojzman-351980/]. Личное мнение о текущей политической ситуации КС высказывает в основном в твиттере: *Я же говорила, что история с Крымом – хороша в любом случае: и землю вернули, и еще санкциями наказали тех, кто реально заслуживает* (@xenia_sobchak (21 марта). Завышенная самооценка, которая была вербализована в речи на митинге (2011), проявляется и в приведенном высказывании (2014). Стратегия самопрезентации, хоть и в сочетании с иронией, не соответствует социокультурным представлениям о должном и позволительном в ситуации крайнего политического напряжения.

Этюдный анализ свидетельствует о наличии преднамеренного имиджевого риска в контексте публичной речи в разных функциональных разновидностях. Представляется, что нежелание отказаться от презентации собственного «я» намеренная дистанцированность

от коллективного, отсутствие ориентации на «другого» влечет за собой имиджевые коммуникативные неудачи.

Литература

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск.: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.

Караева Е.В. Об экспериментальном изучении полигlossии// Много-
речие: проблемы изучения: Тезисы докладов и сообщений Межвузовского научно-
го семинара с международным участием. – Екатеринбург, 14 мая 2013 г. – С. 40

Караулов Ю.Н. Язык и личность. – М., 1989. – С.3-8.

Сиротинина О.Б. Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски.
Саратов : Изд-во Сарат. Ун-та, 2013. – 116с.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н.А. Купиной

Мальцева Т. В.
студентка 4-го к. УрФУ

О функциях метаязыкового оператора *грубо говоря*

Демократизация современного русского языка позволила человеку говорящему раскрепоститься. Ликвидация цензуры привела к изменению в сознании людей представлений о публично допустимом в речи, расшатала систему тематических табу. Тематическая свобода проявилась в активном обсуждении тем, ранее запретных. Снятие табу с запретных тем заставило говорящего называть вещи своими именами. Прямая номинация отрицательного феномена служит толчком для появления сниженных номинаций, от нейтрально-объективной констатации факта происходит переход «к гиперболическому пейоративу» [Шейгал 2000: 210]. Параллельно с прямой номинацией мы встречаемся с дисфемизацией, которая зачастую сопровождается метаязыковым оператором *грубо говоря*.

Цель нашей работы – обратиться к характеристике высказываний, включающих метаязыковой оператор *грубо говоря*, с целью выявления болевых точек социального напряжения. Выборка материала проводилась на основе публицистических текстов средств массовой информации с 2010 по 2013 года с помощью поисковой базы Integrum. Материалом исследования являются 500 высказываний, включающих метаязыковой оператор *грубо говоря*.

© Мальцева Т. В.